

Две речи А. М. Горького на пленуме правления союза советских писателей

1. Вступительная речь

Товарищи, вы услышите здесь очень интересные доклады, о которых я разрешу себе поделиться с вами моим впечатлением. Я читал эти доклады. Многие из них имеют свои достоинства, но мне кажется, что все вместе они обладают одним недостатком: слишком они теоретичны, слишком много в них спекуляции словами, теоретизации. Получается впечатление, что люди совершенно искренне и по потребности, глубоко ими чувствуемой, хотят установить некие нормы, каноны, шаблоны. Они хотят это сделать чисто теоретически, не опираясь на тот материал, который частью они уже сами создали (я говорю о драматургах), частью знают. Рядом с этим материалом, конечно, идет материал повестей, романов и т. д. — одни и те же приемы, одно и то же творчество, одни и те же идеи и, наконец, один и тот же материал, требующий единого метода для его оформления.

Мне кажется, что должны быть поставлены простые вопросы: почему наша литература отстает, почему наша драматургия слаба, почему она не дает больших характеров, которые ведь в действительности-то есть! Почему драматургия все время вращается около старых тем, уже изжитых?

Все еще героем большинства драматургических произведений и романов продолжает служить интеллигент, который хочет признать советскую власть, — некоторым из них это еще с трудом удается, некоторым вовсе не удается. Все это в высшей степени скучно, и писано об этом сто раз. А теперь мы приближаемся к 20-летию советской власти,

и у нас есть свой интеллигент: тот, кому к 17-му году было 10—15 лет, а сейчас—30 и за 30. Это— наш интеллигент, сын пролетария. Отражен ли он в наших пьесах, в наших романах в той степени, с той силой, какой он заслуживает, какой он достоин? Не отражен. Почему? Этот вопрос нужно будет поставить, и мне кажется, что этот вопрос следует поставить в такой плоскости: признаем ли мы за искусством право преувеличивать явления социальные положительные и отрицательные? Спорить по этому вопросу следовало бы. Без решения этого коренного вопроса мы не поймем отличие социалистического реализма от просто реализма. Без этого мы не усвоим метода социалистического реализма. Все большие произведения, все те произведения, которые являются образцами высокохудожественной литературы, покоятся именно на преувеличении, на широкой типизации явлений. Не пора ли нам к этому делу приучаться?

То обстоятельство, что мы отстаем, что мы относимся к действительности слепо, явствует из того, что за последнее время стали очень много писать о школе, о школьниках. Нехорошо пишут. Мы, литераторы, не позаботились вскрыть причины, почему явилось вот это нехорошее. Мы не позаботились вскрывать очень многое, что следовало бы вскрыть. Наша обязанность — это отражать действительность. Мы ее не отражаем. Почему? Вот вопрос.

Нас много, но работаем мы мало. Может быть, это объясняется тем, что мы плохо знаем материал? Живем далеко? В стороне от него?

Я позволю себе обратить ваше внимание на следующее. Тут будет прочитан доклад о работе секретариата „Истории гражданской войны“. Мне думается, что для вас этот доклад будет интересен. Секретариатом собран огромный архив, в архиве этом прекраснейший материал по гражданской войне. Он собран, классифицирован, и по любому вопросу каждый, кто захочет, сможет найти там любой документ.

Мне думается, что есть также и другие пункты, где можно достать материал в большом количестве.

Мне кажется, что все мы как-то не так работаем. Возможно, что это очень субъективное впечатление. Работают мало и плохо. Могут ли работать лучше? По моему, могут. Что для этого надо сделать? Надо как-то приподнять себя, товарищи, надо с предельной ясностью представить себе ту огромную ответственность, которая лежит на нас перед нашей страной. Да и не только перед нашей страной, ибо у нас учатся пролетарии всех стран. Это надо понять.

2. Советская литература — самая влиятельная литература мира

Речь А. М. Горького на закрытии пленума правления союза советских писателей

(Появление М. Горького делегаты приветствуют стоя продолжительной овацией).

— Если сосчитать все время, которое тратится на аплодисменты, то получится страшно много времени. (Смех).

Я думаю, товарищи, вы не потребуете от меня детального и подробного изложения всего, что здесь было сказано, ибо это совершенно невозможно. У меня было слишком мало времени для того, чтобы прочитать все эти очень обстоятельные речи, сделать из них определенные выводы и осветить сказанное на пленуме так, как оно того достойно. Я передам вкратце только впечатление, которое у меня получилось от чтения стенограмм.

Впечатление таково, что, пожалуй, слишком преобладали вопросы профессионального характера над вопросами, так сказать, общего идеологического, социально-политического значения.

В вопросах профессионального харак-

Надо устранить из нашего обихода все те мелочи, которым мы придаем слишком большое значение. Нужно взяться за серьезную работу. Скоро придется праздновать — и хорошо праздновать — 20 лет бытия советской власти. 20 лет удивительной работы партии, работы пролетариата. К этим 20 годам следовало бы как-то подтянуться. Возможно, что я неуместно все это говорю, но такова у меня внутренняя потребность — сказать, что в нашей области что-то неладно.

Следует как-то вооружиться, следует взяться за широкую работу, за большие работы. Надо организоваться. Если тяжело работать индивидуально, одиночно, так давайте организуем группу, давайте разберем весь этот материал 20-летней работы, огромной работы, мировой работы. Давайте попробуем работать группами, коллективами. Времени осталось немного — 22 месяца. Я предложил бы подумать в этом направлении, поговорить просто, дружески, открыто.

Я кончил. (Бурные аплодисменты, все встают).

тера, там, например, где речь шла о тематике, недостаточно ярко выступала необходимость расширения и углубления тематики.

Видите ли в чем дело, товарищи. Вот у нас был и есть древний русский крестьянин, воспитанный веками в совершенно определенной обстановке, которая к 20-му столетию оставила его человеком 16—17 столетия. Этот крестьянин, тем не менее, в краткий срок, в 17 лет, сделал фантастический прыжок в 20-е столетие, к социализму. Естественно, что кулак, „мирод“, ростовщик, лавочник должен был оказать всякое сопротивление в каких-то особенно сильных формах, формах трагических. Он и оказывал это сопротивление именно так.

У нас, в нашей литературе, это не произошло. Не удалось нам отобразить людей этой кулацкой психики в одном типе, в крупном образе. Возьмите, например, их способы борьбы. Вы, конечно, знаете их, но, мне кажется, очень

многое ускользнуло от вашего внимания.

Когда, например, кулаки зарывали в землю хлеб, то некоторые из них заметили, что от этого обильно разводятся мыши. Мыши — очень хороший вредитель. Мышь стóит любой стране очень много, а нашей стране — страшно много. Она истребляет хлеба на большие десятки миллионов рублей.

Аргументация врага сильнее нашей, писателей. Мы не отметили этого в драмах и рассказах с должной силой. Мы аргументируем идеями, а они аргументируют делом.

Машины, входя в обиход сельского хозяйства, пугают птиц. Кулак это очень хорошо учел и говорит: „Чорт с ними с этими машинами, добра от них не будет. Птичек насекомоядных распугали — насекомых разведется больше — все равно вред будет!“

Даже и эту мелочь сумели учесть!

Я все время вращаюсь в сфере профессиональной, как оно и следует. И вот я должен сказать, что эта тема — „кулак“ — не дана. Не дан враг в его настоящем виде.

Затем этот враг пережил некоторую эволюцию от убийства своих собственных детей и внучат, от поджогов, от многочисленных убийств селькоров и т. д. до отравления хлеба гвоздями, стеклом и т. д., как это вывисло на последнем процессе Ошкина.

Эта „эволюция“ не была прослежена, а она означает упадок силы сопротивления врага, т. е. поражение его.

Осталась без внимания женщина в ее росте.

Осталось без внимания очень многое, Как я не один раз говорил уже, осталось совершенно без внимания дети. О детях мы почему-то не пишем, а ведь раньше буржуазные писатели писали, и не плохо.

Но если говорить на эту тему, пришлось бы очень многое говорить.

Перехожу к вопросам, непосредственно стоявшим на пленуме. Некоторые лица, возражавшие тов. Беспалову, говорили, что наиболее деятельное участие в создании образа принадлежит бессознательной творческой работе.

Неверно это, товарищи! О бессознательной работе вообще, по моему мнению, нельзя говорить. Нет такой работы, если под термином бессознательной работы не понимать бессознательную мус-

кульную, механическую работу. Человек привык известным образом двигать рукой, и двигает ею, уже не следя за ее работой, зная, что рука научена, не ошибется.

У нас бессознательность смешивается с интуитивностью, т. е. с тем человеческим качеством, которое именуется интуицией и возникает из запаса впечатлений, которые еще не оформлены мыслью, не оформлены сознанием, не воплощены в мысль и образ.

Я думаю, что с очень многими, почти с каждым из вас, бывало так, что они сидят над страницей час, два и все что то не удается, но вдруг человек попадает туда, куда следует попасть, т. е. завершает цепь познанных им фактов каким-то фактом, которого он не знает, но предполагает, что он, должно быть, таков, и даже не предполагает, а просто чутьем думает, что именно таков. И получается правильно.

Это внесение в опыт тех звеньев, которых не хватает писателю для того, чтобы дать совершенно законченный образ — это и называется интуицией. Но называть это бессознательным нельзя. Это еще не включено в сознание, но в опыте уже есть.

Так это надо понимать. Может быть, я ошибаюсь. Тогда, ясное дело, будем оспаривать.

Титул „инженер человеческих душ“ у нас относится к литератору. Я думаю, что критик не менее заслуживает этого титула в том случае, если он работает в согласии и сотрудничестве с литератором.

Чего нам нужно добиться в этом деле?

В той критике критиков, которая была здесь высказана, — в ней очень много дельного и серьезного. Критика действительно помогает нам мало, главным образом занимается изысканиями недостатков в наших произведениях, очень плохо понимает, откуда идут эти недостатки, почему они появляются. Мало или почти совсем не занимается критика языком, не указывает нам на правильное или неправильное строение фразы, на архитектурнику произведения, на логически правильное размещение материала и т. д.

Тем не менее, палку перегибать нельзя — она может дать по лбу. И все-таки за критикой надо признать: кое-что сделано ею и делается.

в них четкости и ясности. Чувствуется, что характеры, герои создаются не по закону синтеза, не путем отбора наиболее типичных, классовых, групповых, профессиональных черт, а как-то так... очень поверхностно. Люди говорят не те слова и снабжены они, вследствие этого, самими исполнителями — актерами — не теми жестами. Часто бывает, что слово с жестом не согласовывается. Ходит по сцене человек, и не веришь, что был такой.

Народ наш в части языкового творчества очень талантливый народ, но мы плохо с этим считаемся. Мы не умеем отобрать то, что у него талантливо. Вспомните, как прекрасно делает он частушки. Вот я недавно у одного автора нашел такую фразу: „Он поднял руку, чтобы погладить ее по плечу, и в это время его настигла бесстрашная смерть“.

(Смех). Вот как говорят! Эти недостатки являются признаком слабости зрения. Действительность не дается глазу. А ведь нам необходимо знать не только две действительности — прошлую и настоящую, ту, в творчестве которой мы принимаем известное участие. Нам нужно знать еще третью действительность — действительность будущего. Я эти слова о третьей действительности произношу не ради остроумия, вовсе нет. Они мною чувствуются, как решительная команда, как революционный приказ эпохи. Мы должны эту третью действительность как-то сейчас включить в наш обиход, должны изображать ее. Без нее мы не поймем, что такое метод социалистического реализма.

Для того, чтобы точно и ясно знать против чего воюешь, — нужно знать, чего хочешь. А того, чего мы хотим, мы еще не достигли, оно перед нами. Нужно знать, нужно пытаться шагнуть вперед от настоящего, прекрасного и героического нашего настоящего, еще дальше. Шагали? Шагали. Можем шагнуть? Можем. Нет только какой-то зарядки, какого-то воодушевления, нет этого... чорт его знает, куда оно девалось. Или, может быть, оно еще не выросло?

Критики и литераторы должны понимать, почему отстаем, от чего отстаем, от каких явлений. Не по силе чего, а от чего? Почему надоели современные стулья и на каких стульях хотелось бы сидеть в будущем? То же самое с идеями.

Недавно я прочитал беллетристическое мудрое сочинение. Там речь шла о недостоверности знания, и почему так страдает человек, что он не может определить — конечно ли вселенная или же бесконечна? Страдает так, что забывает надеть галоши, и вот простудился и умер, знаете ли? Умер, несчастный. Вот к чему ведет недостоверность знания!

Часто приходится читать такие произведения, печатные и не печатные, об иллюзорности любовных утех и удовольствий. Признаться сказать, читать такие вещи несколько недовко. Я бы сказал, что даже тяжело, ибо, читая, видишь, что женщина-то, заявившая о себе, как героиня в гражданской войне, женщина, так великолепно проявившая себя во всех областях строительства, — женщина-то все-таки нравится нам днем, когда работает рука об руку с нами, и тогда мы больше уважаем ее, и все такое. А в другое время суток... Ну, об этом можно не говорить. (Смех). Это действительно смешное дело, товарищи, но на этом месте зарождается новая драма. Она зарождается. Она пока еще не отражена новой драматургией, но что она зарождается и что она будет — это несомненно. И нашему сильному полу придется тут немножко потерпеть, и это будет справедливо. Так ему и надо. (Смех).

Должен указать одно, что, несмотря на обилие докладов и остроту дискуссии, и критики и литераторы обнаружили все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики, должны заслуживать, которые прошли незаметно. На это самое указывал тов. Серебрянский, что говорили о двух основных произведениях на тему колхоза: о произведении Шолохова и о произведении Панферова. Конечно, это основные произведения, кто это будет отрицать, но есть третья — Шухова „Ненависть“, тоже очень значительное произведение. Есть еще книги, которые как-то прошли незамеченными.

Есть еще одно неудобство нашей жизни: критиков-то можно критиковать, потому что они печатают свои статьи, а вот редакцию? А вот с редакцией хуже. Сидят они там и что-то делают. Это делают негласно, — наговорят они чего-то такое человеку, он уходит, и у него голова на плечах не сидит, ошеломленно качает-

Очень многочисленные жалобы на редакцию приходится слышать и читать в разных письмах. Тут тоже нужно что-то такое сделать с редакциями и с редакторами. Я думаю, что возлагать на редакции работу по обучению молодых едва ли следует, потому что тогда у нас получится разногласия с программой литучебы, выработанной союзом. Нужно все-таки держаться той программы, которая была здесь союзом выработана, — программы для работы с начинающими, с кружковцами.

Как я уже вначале сказал, охватить и оценить все сказанное здесь, на пле-

нуме, я не имею возможности, но потом все это будет разрабатываться и не один раз, и, вероятно, многие будут писать. Во всяком случае, мне кажется, что все-таки сделана не плохая работа, что дан какой-то толчок, как будто что-то сдвинуто и что, вероятно, мы встанем на путь очень плодотворной работы, станем!

Я, собственно, по оптимизму, мне присущему, уверен в этом, а с тем, что здесь было сделано, я вас всех искренно поздравляю и на этом я кончу. (Бурные аплодисменты. Все встают).